

— Садитесь.

Чэн Ху взмахнул рукой, приглашая гостей, и указал на бамбуковую скамью позади Гу Юя и Шэнь Цзянаня, после чего повернулся и велел сыну принести воды.

— А!

Чэн Гуан послушно кивнул и последовал за матерью на кухню. Не прошло и минуты, как мать с сыном вынесли три пиалы с водой и поставили их на стол:

— Поболтайте пока, а я пойду стряпать, сегодня поужинаете у нас!

Сказав это, она, не спрашивая, согласны ли гости, взяла сына за руку и ушла, заставив Гу Юя и Шэнь Цзянаня почувствовать себя крайне неловко.

Чэн Ху понимал, о чем они думают, и небрежно отмахнулся:

— Моей семье от одной лишней трапезы хуже не станет, но если вы поедите здесь, моя невестка и Сяо Гуан будут рады еще долго. Я, впрочем, тоже — а такое за деньги не купишь.

При этих словах улыбка на его лице померкла:

— В нашем доме, кроме городского юноши Гу, уже много лет никто не бывал.

Слыша это, оба мысленно посочувствовали ему: стоило человеку впасть в немилость, как от него, судя по всему, начинают шарахаться все, словно от прокаженного, и никто не желает даже приближаться.

Шэнь Цзянань поспешил сменить тему, указав на мебель в комнате:

— Брат Чэн, это всё ты сделал?

Он заметил это, едва войдя: вся мебель в главной комнате семьи Чэн, за исключением старого деревянного шкафа с солидной выслугой лет, состояла в основном из бамбуковых и плетеных изделий.

Вспомнив, как Гу Юй говорил раньше, что тот умеет плести корзины и у него неплохие руки, Шэнь Цзянань и задал этот вопрос.

И действительно, от его слов на лице Чэн Ху вновь появилась улыбка:

— Да, всё сам смастерил.

— Ты просто мастер на все руки!

Шэнь Цзянань поднял большой палец вверх перед Чэн Ху и, улыбнувшись, восхитился:

— Раньше мне доводилось видеть немало бамбуковой мебели и плетеных изделий ручной работы, которые стоили безумных денег, но мастерство там было куда хуже твоего, да и заусенцы торчали.

— Да неужто?

Чэн Ху отнесся к этому с некоторым недоверием: в те времена в ходу была в основном деревянная мебель, а если горожане и покупали какой-нибудь импорт, то непременно из отборной древесины.

Лишь такие бедняки, как они, пользуются плетеными и бамбуковыми вещами. Раз так, с чего бы им стоить дорого?

Однако он не знал, что Шэнь Цзянань вовсе не хвастался: в современном обществе мебель из ротанга и бамбука действительно обходится недешево, и если плетеное кресло сделано не слишком откровенно криворуко и обладает симпатичным дизайном, его запросто можно продать за двести-триста юаней, а то и дороже.

Впрочем, Шэнь Цзянань не собирался рассказывать ему об этом: в конце концов, в эту эпоху плетеную из бамбука и ротанга мебель почти никто не использует.

Назови он сейчас цены — а вдруг хозяин сгоряча бросится в это дело ради заработка? Если все получится — ладно, но если нет, его вина будет огромной!

Поэтому он замял этот разговор:

— Мебель из бамбука и ротанга действительно продается по высокой цене, но покупают ее редко — лишь молодые люди в крупных городах, у которых есть свободные деньги.

Затем он резко сменил тон и перешел к истинной цели своего визита:

— Я слышал от брата Гу, что у тебя золотые руки. Теперь вижу сам — и впрямь прекрасно. Хотел бы обсудить с тобой одно дело.

Чэн Ху тут же оживился, поспешно выпрямился и спросил:

— Какое дело? Говори.

— Плести маленькие корзинки, лукошки и сумочки.

Шэнь Цзянань поднялся с места, подошел к низкому шкафу за спиной хозяина, взял стоявшую на нем маленькую корзинку для рукоделия и, вернувшись на свое место, принялся жестикулировать, излагая Чэн Ху свои соображения.

Он хотел, чтобы тот сплел из бамбука или лесного ротанга небольшие сумочки: с узким дном вроде корзинок для овощей, в форме чемоданчиков, ведерок, круглые ажурные, квадратные, трапециевидные и овальные. Напоясные, через плечо и рюкзачки.

Каждого вида нужно было сделать по четыре штуки, причем каждого фасона — по две больших и по две маленьких. Из чего именно плести, Чэн Ху мог решить сам, исходя из собственного удобства. Но было одно условие: узор изделий должен быть тонким, плотным и аккуратным, без каких-либо заусенцев.

Шэнь Цзянань примерно обрисовал размеры и конкретные формы сумок, а затем набросал в черновике Чэн Гуана несколько образцов и подробно всё объяснил. Чэн Ху сразу же все понял и тут же с уверенностью пообещал:

— Это несложно, управлюсь дней за десять.

— Так быстро?

На лице Шэнь Цзянаня отразилось удивление. И его можно было понять: работа тонкая. Раньше он подрабатывал у девушки, открывшей интернет-магазин, так у них на создание одного изделия уходило от полумесяца, и это при том, что трудились сразу несколько человек.

Заметив его недоверие, Чэн Ху не рассердился и лишь с улыбкой пояснил:

— К такому делу привыкнешь — и скорость сама собой возрастет. К тому же невестка и Сяо Гуан смогут помочь. Если не веришь, приходи послезавтра посмотреть, уж пару штук я точно успею сплести.

— Идет!

Шэнь Цзянань с улыбкой кивнул:

— Раз ты так говоришь, чего ж мне не верить.

И добавил:

— За готовые сумки — если качество не подкачает — за большую буду давать три мао, за маленькую — два.

— Э-это так много?

Чэн Ху опешил. Материалы он добывал в горах позади деревни, и кроме затрат физических сил, это можно было назвать беззатратным делом.

Поэтому для людей из деревни своего шурина он плел вещицы всего за мао-два, а теперь городской юноша говорит, что за одну сумку готов отдать по несколько мао! Сорок штук — половина больших, половина маленьких — это же целых десять юаней?!

Он был вне себя от волнения, но боясь, что собеседник оговорился и назвал неверную цену, решил переспросить:

— Городской юноша Шэнь, на эти сумки уходит совсем немного материала, не слишком ли много ты предлагаешь?

— Ни капли не много!

Видя, как честен этот человек, Шэнь Цзянань проникся к нему еще большей симпатии:

— Материала на сумки уходит мало, но приходится возиться с формой, так что в итоге это даже хлопотнее, чем плести крупные вещи.

Юноша произнес это серьезным тоном:

— Если товар будет хорошим и пойдет ходко, я буду делать у тебя заказы каждые полмесяца. Но сразу оговорюсь: спрос может прекратиться, так что будь готов к этому заранее. Не хватайся за заработок вслепую, наплетя гору товара, который потом останется пылиться дома, а после станешь скандалить со мной.

Он уже не раз видел подобное: иные мелкие дельцы, пользуясь знакомством с клиентами, норовят всучить им лишний товар, бесстыдно завышая объемы, пока покупателю не надоест это терпеть и он не разрывает все связи.

Шэнь Цзянань терпеть не мог головную боль, поэтому предпочитал расставить все точки над і сразу, чтобы потом не возникало ненужных трений.

Услышав это, Чэн Ху испытал легкое разочарование от того, что дело не будет вечным, но тут же подумал: если бы городской юноша Шэнь не пришел сделать заказ, он бы вообще ничего не заработал, и умерил аппетит.

— Хорошо, если перестанут быть нужны — просто скажи об этом.

Заметив такую несговорчивость, Шэнь Цзянань улыбнулся еще шире и тут же вытащил из сумки юаневую купюру, протянув ее собеседнику:

— Это задаток. Когда заказ будет готов и я проверю, что все в порядке, выплачу остаток.

Глядя на эту единицу, Чэн Ху едва не прослезился. Его волнение было вполне объяснимо: в последние годы деньги давались с таким трудом, а семья жила в такой нищете!

Хотя семья состояла всего из трех человек, расходы были немалыми: его жена надорвала здоровье при родах, поэтому часто болела и нуждалась в лекарствах, а каждый поход в больницу обходился по меньшей мере в пять мао.

Но из-за больных ног он мог зарабатывать на тяжелых полевых работах лишь по шесть-семь трудодней в день.

Вдобавок при дележке зерна Чэн Цзяньчэн вечно ухитрялся урезать его пайку. В итоге за целый год он зарабатывал меньше, чем требовалось, чтобы прокормить семью и купить лекарства жене.

Ради выживания из мебели в доме, помимо швейной машинки в спальне и того самого шкафа, что видел Шэнь Цзянань, уже почти ничего не осталось — всё распродали.

Изначально собирались продать и эти две вещи, но Сян Хайянь уперлась и наотрез отказалась: она считала, что со слабым здоровьем, хромотой мужа и всеобщим презрением им всё равно не заработать ни гроша.

Но сыну уже исполнилось десять, через несколько лет придет время жениться — если не сохранить эти две вещи, чем потом сватать невесту?

Чэн Ху разрывалось от боли и чувства вины, но приходилось смотреть правде в глаза, так что те две вещи оставили.

И вот теперь — совершенно неожиданно — перед ним лежала эта купюра. Для человека, который годами не видел крупных денег, это было настоящее сокровище, а еще — признание и стимул. Дрожащими руками он взял купюру и сквозь слезы произнес:

— Спасибо... спасибо вам!

Шэнь Цзянань небрежно отмахнулся: по его мнению, это был честный обмен. Хотя в его поступке и присутствовал элемент помощи, Чэн Ху должен был проявить себя, обладать мастерством, стоящим вложений.

Иначе с какой стати ему тратить деньги на содержание чужого человека? Его собственные деньги тоже не с неба падали. Гу Юй, стоявший рядом, разделял его мысли.

Предложив Шэнь Цзянаню обратиться к Чэн Ху, он руководствовался не только прекрасным мастерством последнего, но главным образом тем, что тот обладал чистой душой и во многом ему помог.

В те годы, когда его сослали в коммуну «Хунци», ему довелось хлебнуть лиха от окружающих. Жизнь была горькой до такой степени, что хоть в петлю лезь — хуже любой полыни во рту.

Именно тогда появился Чэн Ху и протянул ему руку помощи, подарив надежду и позволив постепенно прийти в себя.

В ту пору Гу Юю разбили голову граблями, надев на него мешок. Спасаясь от боли, он тайком отправился в горы за лекарственными травами и неожиданно столкнулся с Чэн Ху, рубившим дрова.

Тогда он испугался до полусмерти, боясь, что тот донесет на него за самовольную отлучку из скотного двора. Но Чэн Ху не только поделился с ним сухим пайком, но и подсказал, каких мест в деревне стоит избегать, чтобы не попасться властям на глаза, а на прощание отдал ему всю заготовленную охапку дров.

Гу Юй не понимал, зачем тот помогает ему, когда и самому живется несладко. Чэн Ху лишь посмотрел в небо, с улыбкой вздохнул и ответил:

— Ни к чему это... Просто подумалось: если бы тогда нашелся кто-то, кто помог и мне, разве всё сложилось бы иначе?

Сказав это, он заковылял дальше. Глядя на его чуть сгорбленную спину, Гу Юй чувствовал, как сжимается сердце.

После этого, по молчаливому наущению Чэн Ху, он научился охотиться, ставить силки и делать простые луки, а также отличать съедобные травы, грибы и ягоды от ядовитых, что позволило ему и нескольким старикам значительно улучшить свой рацион и не умереть с голоду.

Именно поэтому, когда Шэнь Цзянань заговорил о заказе, он и порекомендовал Чэн Ху. Впрочем, благодарность благодарностью, а дело есть дело: если бы тот сплоховал, он бы не

сделал скидки и на мизерную долю, а потому счел нужным заранее предупредить мастера:

— Брат Чэн, давай сразу договоримся: если об этом деле станет кому-то известно, у Цзянаня непременно возникнут неприятности.

Поэтому я прошу тебя, невестку и Сяо Гуана держать языки за зубами и никому ничего не болтать. Иначе, если что стряется, поздоровится никому, понимаешь?

— Братец, будь спокоен.

Чэн Ху ударил себя кулаком в грудь:

— Мы с невесткой не болтуны, а с Сяо Гуаном мы поговорим, он и слова лишнего не проронит.

— Вот и отлично!

Гу Юй удовлетворенно кивнул, после чего при хозяине пересказал юноше историю их знакомства.

Шэнь Цзянань слушал с распахнутым ртом, заявляя, что их встреча похожа на сюжет из романа и полна легендарного колорита.

Чэн Ху расхохотался, хваля паренька за милый нрав и умение говорить увлекательно, прямо как сказитель на ярмарке.

Гу Юй тут же поддакнул:

— И не говори! А уж наш Цзянань — прямо-таки воплощение Вэньцзя, учености светоч, @Б
□&@...

Он принялся на все лады расписывать достоинства Шэнь Цзянаня, пока тот не покраснел до корней волос и, взмолившись, не замахал руками:

— Брат, братец, умоляю! Хватит уже! Не позорь меня, понимаешь?!

Но как он ни умолял, Гу Юй и не думал останавливаться:

— А что такого? Разве нельзя похвалить? Для меня ты — великий литератор.

— Да ты еще и дразнишься!

Разозленный Шэнь Цзянань вскочил и принялся колотить его кулаками, а Чэн Ху едва не покатился со смеху.

К счастью, вскоре Сян Хайянь и Чэн Гуан внесли в комнату еду, и Гу Юй под яростными тумаками испепеляющим взглядом Шэнь Цзянаня наконец с видимым сожалением закрыл рот.

Сияющий Чэн Ху сунул деньги жене и с гордостью объявил, что теперь он зарабатывает. Он в красках расписал ей суть их сделки с Шэнь Цзянанем и велел завтра же купить немного мяса для поддержания сил. Шэнь Цзянань и Гу Юй дружно рассмеялись, принявшись подшучивать над ним как над образцовым семьянином.

Сян Хайянь слегка покраснела, выхватила купюру и выразительно зыркнула на мужа:

— И не стыдно тебе перед людьми позориться?

Впрочем, на душе у нее было радостно: муж помнит о ней и к тому же заработал денег. Ведь в дом давно уже ничего не поступало, и даже деньги на учебники ребенку давал ее брат.

Сян Хайянь прикинула мысленно: когда заберут товар и выплатят остаток, она первым делом вернет пять юаней старшему брату. У того трое детей учатся в школе, да еще престарелые родители на попечении, груз у него на плечах не легче их собственного.

После ужина, видя, что до темноты еще далеко, а крышу дома семьи Чэн тоже побило градом, Гу Юй и Шэнь Цзянань предложили помочь с ремонтом. Чэн Ху хоть и смущался, но отказываться не стал.

Реальность была такова: ноги больные, сородичи не общаются, и если некому помочь, в одиночку он провозится пару дней. А приди ему на смену еще один дождь — жене и ребенку придется несладко.

Облачившись в рабочие халаты, выданные Сян Хайянь, Гу Юй и Шэнь Цзянань поднялись вместе с Чэн Ху на крышу. Дом был добротным, а расположение защищали окрестные леса, так что разрушения оказались не столь масштабными. Провозившись всего часа два, они заменили всю разбитую черепицу.

Спустившись вниз и сняв робы после мытья рук, Сян Хайянь вынесла таз с вареным бататом и сунула каждому в карманы по несколько штук, с улыбкой произнеся:

— Спасибо вам сегодня! Знаю, что вам нужно возвращаться, так что мы с отцом задерживать вас не станем — будьте осторожны в дороге.

— Хорошо!

Обменявшись на прощание махами рук, парни зашагали к скотному двору, по дороге уплетая батат. Когда они добрались до места, старики еще не спали.

Впотьмах они как раз обсуждали град и беспокоились о парнях — выдержит ли ветхая соломенная крыша разгул стихии, не останутся ли те без крыши над головой. Переглянувшись, оба мысленно хмыкнули: еще как осталась бы — всё рухнуло!

Гу Юй бросил взгляд на шедшего рядом юношу и с улыбкой толкнул дверь:

— Дедушки, мы с Цзянанем навестить вас пришли.

Шэнь Цзянань следом за ним по-свойски окликнул стариков:

— Дедушки, мы здесь.

Старики разом замерли, а затем оживились:

— Ой, да как же выбрались-то? Темнотища кругом, того и гляди ноги переломаете!

Впрочем, несмотря на причитания, они радостно поднялись, усаживая гостей за стол:

— У вас-то всё в порядке? Нам со двора выходить нельзя, а то бы все к вам сбегали!

Линь Яньцин теребил в руках подол одежды, а глаза его покраснели:

— Этот град сегодня — чуть душу из нас не вытряс! Крыша скотного двора насквозь пробита, а градины по телу били — аж в сердце отдавалось.

Мы, старики, забились под доски кроватей и думали, что не переживем эту напасть, да только небеса оказались не столь жестоки, сохранили нам жизнь.

Остальные согласно закивали, утирая слезы. Гу Юю стало жаль их, и он поспешил утешить стариков:

— Дед, не плачьте. Давайте еще немного подождем — глядишь, через пару лет сможем все вместе вернуться в город, правда, Цзянань?

Говоря это, он незаметно подмигнул юноше. Тот сразу сообразил и закивал:

— Да.

И тут же принялся выгребать из карманов батат:

— Дедушки, это мы с братом Гу для вас оставили, они еще тепленькие! Кушайте скорее.

Сунув каждому в руки по клубку, он полез еще и в сумку Гу Юя, заставив того растерянно улыбнуться и поспешно заявить о «добровольной сдаче имущества».

После такой выходки большая часть скорби на лицах стариков мгновенно рассеялась. Ли Минда, находя это забавным, не удержался от подначки:

— Сяо Гу, да ты прямо как подкаблучник! Смотри-ка, после женитьбы все деньги будешь Цзянаню отдавать?

— Угу!

Гу Юй слегка приподнял брови и ответил с абсолютно серьезным видом:

— Всё ему отдам.

Бум!

Лицо Шэнь Цзянаня залилось густой краской. Сердечко заколотилось как безумное. С бататом в руке он уставился на товарища, не в силах вымолвить ни слова. Старики тоже застыли на месте и лишь спустя добрую минуту дружно рассмеялись.

— Ах ты, парень...

Лу Цзяньфэн погрозил ему в воздухе пальцем:

— Раньше во всем был такой правильный, а теперь и шутить научился?

— Точно-точно!

Подхватил Се Хуайань с веселой усмешкой:

— Гляди-ка, до чего Цзянаня испугал! Кто не знает, подумал бы, что ты и впрямь собрался жениться на нем.

— Что за глупости городишь! А вдруг кто услышит — парню же жизнь испортишь.

Лю Чжэнцзюнь всегда отличался рассудительностью и осторожностью. Он недовольно зыркнул на приятеля, а потом повернулся к Шэнь Цзянаню и принялся мягко успокаивать:

— Ты не сердись, сынок, дед Се просто пошутил.

— Н-нет, я не сержусь.

Шэнь Цзянань заикаясь замахал руками и украдкой покосился на Гу Юя. Заметив на лице того улыбку, он почувствовал, как в груди снова затрепетала птица, а дыхание сбилось. Длинные пальцы сами собой переплелись, а кожа на них от волнения побелела, подернувшись едва заметным розовым румянцем.

Заметив, что паренек готов от смущения спрятать голову подмышку, и опасаясь переборщить с шутками, Гу Юй произнес:

— Цзянань и не думает сердиться. К тому же мы с ним ближе, чем кровные родственники — с чего бы мне не отдавать ему заработанное?

— И то верно.

Ли Минда кивнул в знак согласия. Гу Юй уже рассказывал ему, что, несмотря на юный возраст, Шэнь Цзянань очень о нем заботился. Пройдя вместе через огонь и воду больше чем за год, они сроднились крепче любых кровников, к тому же иные родственники иной раз хуже чужих людей.

Его взгляд слегка омрачился, и он опустил глаза, пряча затаенную горечь, а затем улыбнулся:

— То, что вы двое повстречались в коммуне «Хунци» и стали закадычными друзьями — великое благо и судьба. Берегите это, ни в коем случае не предавайте друг друга, слышите?

Услышав это, Шэнь Цзянань и Гу Юй поняли, что собеседник наверняка пережил нечто подобное — возможно, как раз связанное с его ссылкой сюда. Проникшись сочувствием, они закивали и в один голос ответили:

— Не беспокойтесь, дедушка, мы никогда так не поступим.

Услышав это, старик закивал с довольным видом, а затем вновь принял шутливый тон прежнего озорника, принявшись болтать с парнями о всякой всячине.

Узнав, что те временно приютились у Чжао Хунцзюня, старики забеспокоились, как бы заночевавшие допоздна гости не стеснили хозяев, и велели им немедленно отправляться на боковую.

— Ну хорошо, отдыхайте раненько, а мы с Цзянанем пойдем.

Произнеся это, Гу Юй поднялся и протянул руку Шэнь Цзянаню. Юноша не усмотрел в этом ничего дурного и совершенно естественно вложил свою ладонь в его руку, после чего повернулся к старикам и с лучезарной улыбкой бросил:

— До свидания, дедушки!

И последовал за спутником. Глядя им вслед, старики чувствовали, что в этой картине есть что-то странное, но никак не могли сообразить, что именно.

<http://bllate.org/book/22418/2353685>